

Региональная политика в контексте угроз и рисков стабильного функционирования государства

В.Н. Лексин

Постановка проблемы

Современный мир, переживший в прошлом веке две мировых и одну холодную войну, не стал спокойней и гармоничней. Его сотрясают локальные войны и революции, внутрисударственные неурядицы и внешние экспансии, теракты и расправы над политическими лидерами, финансовые кризисы и гигантские коррупционные скандалы. Глобализация не сглаживает (у нее принципиально иные цели) увеличивающиеся диспропорции в уровне жизни населения разных стран, а формирование межгосударственных союзов не избавляет их участников от бюджетных банкротств и аномально высокой безработицы. К давно существующим в ряде стран сепаратистским движениям добавляются острейшие межэтнические и межконфессиональные конфликты. Терроризм стал организованным явлением. Новейшие достижения науки и техники активно используются преступниками. Мир не стал безопасней, стабильность функционирования государств достигается все большей ценой, и слова «угрозы» и «риски» становятся обиходными терминами политической риторики.

Применительно к предмету этой статьи под *стабильностью функционирования государства* понимается не «застой», не стагнация и не антипод «развития»; стабильность есть состояние политической и социально-экономической системы государства, достигаемое в ходе регулирующего воздействия на ее постоянно и не системно изменяющиеся параметры для их приведения хотя бы во временно и относительно *сбалансированное неразрушающее равновесие*. Естественными и решающими условиями так понимаемой стабильности является наличие властных возможностей *балансирующего регулирования* общественно-политических, социальных и иных процессов, а также разрешение внутрисударственных конфликтов с использованием институтов диалога власти и оппозиции, общества и бизнеса. Под *угрозами* такому режиму функционирования государства понимаются, во-первых, существующие и вероятные действия внешних и внутренних сил, направленные на ущемление суверенитета страны и на дестабилизацию статус-кво в различных сферах общественной жизни, и, во-вторых, не замечаемые или неадекватно воспринимаемые властью свидетельства недопустимо высокой зависимости страны от политики других стран и от конъюнктуры мирового рынка, а также свидетельства дестабилизирующих действий агентов рынка, растущего социального расслоения общества, уменьшения связности территорий страны и кризиса сложившейся системы рассе-

ления, диспропорций социально-экономического состояния регионов и малой результативности национальной политики. В свою очередь, под *рисками* понимаются последствия государственных решений, содействующие недооценке, возникновению и (или) реализации угроз.

Вероятно, нет ни одного государства, которое, опасаясь за свое настоящее и будущее, не пыталось бы оценивать реальность угроз и рисков своего относительно стабильного существования и не предпринимало бы противодействующие им действия. Это становится важнейшей частью внешней и внутренней политики государств и находит конструктивное воплощение практически во всех видах субполитик: финансовой, промышленной, социальной, национальной, демографической, миграционной, оборонной, внешнеэкономической и других. Особое место среди них принадлежит (точнее, должно было бы принадлежать) региональной политике — одной из самых трудных для осознания ее значимости и, не исключено, наиболее сложной в разработке и реализации. В связи с этим ниже конспективно рассматривается ряд вопросов, определяющих возможности региональной политики противостоять угрозам и рискам стабильного функционирования государства, а именно: перечень наиболее значимых угроз и рисков, суть региональной политики в системе обеспечения безопасности страны и один конкретный пример.

Угрозы и риски стабильного функционирования нашего государства

По поводу угроз и рисков России, их существа, степени опасности и причин существует множество суждений, высказываемых первыми лицами государства, политиками, экспертами и публицистами. Чаще всего говорят об *угрозах и рисках военного характера*, что в значительной степени провоцирует открыто высказываемое западными политиками и СМИ восприятие России как реального врага. Военные бюджеты этих стран увеличиваются непропорционально угрозам их обороноспособности, постоянно идет модернизация наступательных вооружений с использованием новейших достижений науки и техники, эти вооружения апробируются в реальных боевых условиях и т.д. В большом интервью «Российской газете» (3 июля 2013 г., № 142) с красноречивым названием «Пять сценариев войны» вице-премьер и председатель военно-промышленной комиссии Д. Рогозин перечислил новейшие стратегии ведения войн экономически развитыми странами, в том числе с применением «кибероружия» (через информационные сети перед «ударом классическими военными средствами» выводится из строя вся техника, основанная на импортной электронно-компонентной базе) и с использованием в течение нескольких часов 3500–4000 единиц высокоточного оружия («по существующим в США оценкам, в результате такого удара может быть уничтожено 80–90% нашего ядерного потенциала».

Официальная реакция на военные угрозы была сформулирована в программной предвыборной статье В.В. Путина «Быть сильными: гарантии национальной безопасности России», а один из первых указов Президента РФ после его избрания на новый срок (№ 603 от 7 мая 2012 г.) назывался «О реализации планов (программ) строительства и развития Вооруженных сил Российской

Федерации, других войск, воинских формирований и органов и модернизации оборонно-промышленного комплекса». «Быть сильными» в военном отношении, конечно же, необходимо, однако реальные угрозы и риски страны связаны не только с возможностью внешней вооруженной агрессии. Войны ведутся не только оружием; сейчас радикально изменить внутривосточную ситуацию в большинстве стран способны *войны экономические и информационные*.

Экономические войны велись и ранее (каперство, блокады, эмбарго, арест банковских вкладов и т. п. межгосударственные репрессалии), но в наше время они стали, во-первых, симбиозом агрессивной конкуренции и агрессивного неприятия неугодных политических режимов (классический пример — многолетняя экономическая блокада Кубы) и, во-вторых, результатом сговора группы государств по принятию мер ценового регулирования и квотирования выпуска важнейших видов продукции (классический пример — ситуация на рынке нефти и газа). Возможности ведения экономических войн многократно усиливаются в условиях гипермонополизации рынков, а поражение в таких войнах неминуемо при моноотраслевом и экспортно-ориентированном характере национальных экономик, при размещении финансовых ресурсов государства и крупного бизнеса в зарубежных банках, при массовом оснащении всех отраслей народного хозяйства импортной техникой в отсутствие собственного производства основных комплектующих и запасных частей, при незаинтересованности собственных инвесторов во вложениях в отечественное производство и при надеждах в основном на иностранные прямые инвестиции, при слабости и несвязности местных рынков и при аномально высокой зависимости от импорта жизненно необходимых товаров (например, лекарств). При наличии этих обстоятельств (а все они — российская реальность) угрозы *полномасштабной* экономической войны и поражения в ней более чем вероятны.

Информационные войны (так же как и экономические) имеют давнюю историю, но их угрозы для стабильного функционирования государств в наше время гиперболически возрастают в связи с массовым распространением новейших информативно-коммуникационных технологий, с неведомыми ранее возможностями дистанционного управления и тотального контроля потоков информации и любых баз данных (в том числе оборонного характера). Только сейчас начинают осознаваться реальные масштабы угроз стабильному функционированию государств, порождаемых информационным манипулированием общественным сознанием по каналам Интернет, СМИ, зарубежной аудио- и видеопроизводства, кинофильмов и книг, размывающих представления о национальных ценностях. В этом отношении характерно авторитетное мнение главного редактора телеканала зарубежного вещания Russia Today М. Симоньян («Российская газета», 3 июля 2013 г. № 142) о телеканале «Аль-Джазира»: «Это лучший в мире пример использования информации как оружия... И действует оно порой эффективней, чем могла бы ядерная бомба, потому что столько влияния, сколько этот канал оказал на события «арабской весны» и другие события в этом регионе, невозможно было бы оказать никакой локальной войной... Считается, что их («Аль-Джазира» — В.Л.) бюджет выше, чем расходы на оборону в этой стране (Кувейт — В.Л.)». Информационные войны ведутся непрерывно, и их успех зависит не только от возможностей «агрессора», но и от создаваемой внутри

информационно завоевываемой страны *готовности к поражению как к общественно полезному делу*. Состояние такой готовности в равной степени создают как искренне верящие в благие намерения информационного «агрессора», так и те, кто финансово и политически в этом заинтересован. В современной России все перечисленные и многие другие внешние угрозы информационной войны, а также условия для ее беспрепятственного ведения бесспорно присутствуют.

Собственно *российские риски стабильного функционирования государства* (в приведенной выше трактовке) многочисленны, но я назову лишь некоторые, имеющие непосредственное отношение к предмету этой статьи. Во-первых, такие риски создаются выявившейся после перехода к «рынку без границ» неконкурентоспособностью большинства видов продукции, производимых на созданных в советское время предприятиях. Во-вторых, весьма опасны риски разорванного экономического и социального пространства — крайне слабых хозяйственных и социальных связей не только востока и запада страны, но и большинства регионов и муниципальных образований при огромных различиях их социально-экономического состояния и уровня жизни населения; все это создает потенциальную угрозу ее целостности и массовое ощущение «территориальной несправедливости». В-третьих, до недавнего времени на уровне государства даже не ставились задачи необходимого и достаточного самообеспечения страны стратегически значимой продукцией с формированием соответствующего внутреннего рынка; без решения таких задач риски безопасности страны остаются чрезмерно высокими. Эти и многие другие группы рисков стабильного функционирования нашего государства вызваны как объективными обстоятельствами, так и (в не меньшей степени!) просчетами субполитик, поименованных в начале этой статьи. Что же представляет и какой должна быть государственная региональная политика, способная стать адекватной вышеуказанным угрозам и рискам?

Региональная политика России: невостребованный потенциал противостояния угрозам и рискам

В идеале главной заботой любой национально ориентированной политики должно быть постоянное поддержание *баланса* не всегда односторонних внутригосударственных и подчиненных им геополитических интересов, отраслевых и институциональных подсистем, государственных ресурсов и расходов, вынужденных непопулярных мер и настроений общества, свободы (граждан и бизнеса) и ее правовых ограничений. Аналитики редко обращают на это внимание, и напрасно, поскольку *лишь такой баланс является основой стабильного функционирования государства и гарантом его способности противостоять угрозам и рискам*, неизменно ведущим к деструктивному разбалансированию фундаментальных составляющих государственности. В идеале и каждая субполитика, ориентированная на участие в обеспечении стабильного функционирования государства, должна обеспечивать в предмете своей деятельности *баланс* его содержательных компонентов (полномочий, организационных структур, кадрового состава и т. д.), целей, инструментов их достижения и располагаемых ресурсов в органической связи с вышеуказанными задачами «большой» общегосударственной политики. Однако действительность далека от идеала, и

многочисленные факты убеждают в том, что управленческую ситуацию на федеральном, региональном и муниципальном уровнях во многих случаях характеризует ничем не оправданная *разбалансированность* структуры ее предмета, целей, инструментов и ресурсов, а значит, не выполняется главное условие способности противостояния угрозам и рискам.

Региональная политика как важнейший инструмент действенного предупреждения угроз и противостояния рискам стабильного функционирования государства, как уже указывалось, весьма сложна в разработке и реализации. И, напротив, региональная политика в ее примитивном варианте чрезвычайно проста в разработке и реализации. Но зато сомнительна и позитивность ее результатов (в связи с этим критики чаще всего называют рост числа дотационных регионов). В чем сложность и сила действенной региональной политики? В ее предмете и в необходимости всегда трудно достигаемой сущностной переориентации действий федеральных органов власти.

Предметом региональной политики является пространственная составляющая общественного бытия и ее воздействие на все параметры, процессы и проблемы политического, материального и социального оснований государства. При этом предполагается, что пространственная (территориальная, региональная, местная) опосредованность есть особое свойство (особая сущность) явлений, процессов и объектов, которое они приобретают в связи с их расположением или протеканием в определенных пространственных границах (на определенной территории). Структурно-объектным содержанием любой «территории» является совокупность расположенных на ней частей социального, хозяйственного, административного, природно-ресурсного, национально-этнического, культурно-исторического и т. п. потенциалов страны.

Первой особенностью региональной политики, принципиально отличающей ее от, например, экономической, является иное понимание «развития». Если рост ВВП или ВРП принято считать признаком экономического развития, то «территориальным развитием» может считаться только такой результат естественных или управляемых (бюджетная поддержка, строительство нового или ликвидация неэффективно действующего объекта, переселение части населения, установление особого административного режима и т. п.) действий, который обеспечивает *сбалансированность* всех составных компонентов потенциала функционирования территории. Любой перекоз этого баланса ведет к деструкциям (в наиболее резкой форме — к депрессиям). Несбалансированная, односторонняя динамика (например, строительство крупного хозяйственного объекта, не сопровождающееся эквивалентными переменами в других сферах), которая в российской практике обычно выдается за бесспорное свидетельство «территориального развития», таковым считаться не может.

Второй не менее существенной особенностью региональной политики является необходимость учета *сопряженных воздействий* конкретных мер этой политики, осуществляемых на определенной территории, на сбалансированность потенциалов соседних и далеко расположенных территорий. Неслучайно, например, что многие эксперты усматривают негативные последствия интенсивного формирования крупногородских агломераций на территориях непосредственно примыкающих к ним регионов (отток квалифицированных кадров и т. п.).

Наконец, следует отметить, что локальные воздействия на параметры состояния каждой территории *одновременно и разнонаправленно* оказывают не только все без исключения физические и юридические лица, находящиеся на этой территории, но и последствия проблемных ситуаций на других территориях (например, локальная безработица, провоцирующая неупорядоченную трудовую миграцию на территории относительно благополучных регионов и муниципальных образований), а также многие административные решения и нормативно-правовые акты, принимаемые на федеральном и региональном уровнях. Поэтому региональная политика может разрабатываться в *одном* центре, но реализовываться она должна практически *всеми* федеральными, региональными и муниципальными органами власти, а также крупнейшими корпорациями. Во всех программах, планах и проектах этих органов и корпораций должны появиться специальные разделы, характеризующие их влияние на сбалансированность (или разбалансированность) параметров состояния территорий, то есть на тренд «территориального развития» (в выше предложенной трактовке этого понятия). Определение конкретного предмета их деятельности, воздействующего на параметры территориального развития, наделение их соответствующими полномочиями и ресурсами и осуществление контроля за сбалансированными действиями всех административных и хозяйственных участников — сложнейшая организационно-управленческая задача, к решению которой ни уполномоченный орган, ни сами участники пока еще не готовы.

Все перечисленные особенности требований к действенной региональной политике свидетельствуют о таких трудностях ее разработки и реализации, с которыми не сталкивается ни один из ныне существующих государственных органов исполнительной власти России. Но при выполнении этих требований страна может получить сильнейший инструмент предупреждения угроз и противостояния рискам своего стабильного функционирования. Для этого нужно обосновать и реализовать несколько исходных действий, обращенных против рассмотренных в этой статье угроз и рисков территориального характера. Приведу всего один пример, касающийся угроз и рисков деструкции экономического и социального пространства страны, целостности и связности ее территории.

Системные возможности региональной политики: конкретный пример

Экономическое и социальное пространство России, ее регионов и муниципалитетов после перехода страны в новое постсоветское состояние стало крайне *неупорядоченным и разреженным*. Как уже отмечалось, всего четверть века лет назад советская социально-экономическая система, соответствовавшая представлениям об организации хозяйственной и социальной жизни в социалистическом обществе, антагонистичном миру капитализма, стала функционировать по законам этого мира. При этом 90% крупных промышленных предприятий оказались не способны к международной рыночной конкуренции ни организационно, ни технологически и, главное, по цене, качеству и номенклатуре выпускаемой продукции. Этому дополнительно содействовал разрыв связей российской экономики с предприятиями (поставщиками сырья и потре-

бителями продукции), расположенными в бывших республиках СССР и в странах — членах СЭВ. В результате более 80% всех городов и поселков городского типа и более 90% сельских поселений оказались лишенными прежней экономической базы своего существования со всеми соответствующими последствиями (безработицей, развалом местного хозяйства, запустением и т. п.). «Точки» активной экономической жизни в основном сконцентрировались в административных центрах и в относительно крупных городах. Предмет, казалось бы, только экономической политики на деле стал (должен был бы стать) предметом политики региональной, призванной прогнозировать и предупреждать кризисы системы расселения — скопище самых долгоживущих угроз целостности и связности пространства нашего государства.

В течение последних 15 лет кризис системы расселения наглядно проявляется в одновременно происходящем в разных регионах сокращении числа типологических групп поселений, в потере экономической базы их функционирования, в разрыве прежних и в резком ослаблении ранее устойчивых межпоселенных связей, в деградации в связи с этим их социума, в доминировании состояния аномии при отсутствии местных ресурсов для саморазрешения этой ситуации. Этот кризис уже привел не только к обезлюдению огромных территорий страны, но и к деградации и люмпенизации значительной части ее трудового потенциала, к социально ущербному характеру межпоселенных миграций, к сокращению экономического потенциала страны и т. п.

О кризисе системы расселения политики почти не говорят, хотя еще перепись 1989 г. выявила, в частности, что в тридцати тысячах (то есть в каждом пятом!) сельском поселении России постоянно проживают менее десяти человек, а перепись 2002 г. показала, что в ряде областей Центральной России (Костромская, Ярославская и др.) на долю сельских населенных пунктов *без единого постоянного жителя* приходится почти 20% поселений. Последняя перепись зафиксировала процесс дальнейшего сокращения числа и обезлюдения сельских населенных пунктов. По заявлению одного из руководителей Минрегиона России (июнь 2010 г.), за 20 лет с карты России исчезли 23 тыс. населенных пунктов, из которых 20 тыс. — именно сельские поселения. Однако кризис системы сельского расселения проявляется не столько в сокращении числа сельских поселений и уменьшении их людности, сколько в распаде прежних и в крайне медленном появлении новых расселенческо-хозяйственных связей.

При анализе и обосновании путей предупреждения вышеперечисленных угроз и предотвращения рисков необходимо учитывать, что современная Россия — страна с совершенно иной, чем 25 лет назад, территориальной организацией общества. Произошла смена функциональных ролей и геополитического значения отдельных регионов в структуре части территории СССР, оставшейся в границах нынешней Российской Федерации. Резко возросла доля северных территорий с экстремальными условиями проживания населения и ведения хозяйственной деятельности, потеряны прежние многочисленные выходы в бассейны Балтийского и Черного морей при частично связанным с этим возрастанием роли тихоокеанских и северных портов, усилилось экономическое тяготение восточносибирских и дальневосточных территорий к странам Азиатско-Тихоокеанского региона, возросло число приграничных регионов (Россия

стала граничить с самым большим в мире числом (12) государств, в разной степени лояльных к нашей стране), появилась проблемная анклавная территория.

Успешно бороться с кризисными явлениями неупорядоченности и разреженности экономического и социального пространства в реальных российских условиях нельзя до тех пор, пока не осознана значимость формирования потенциально огромного внутреннего рынка производства стратегически важных товаров, в том числе и как важнейшего условия противостояния угрозам и рискам мировых кризисов. Первый и главный урок, который человечество должно было бы извлечь из событий первого глобального кризиса: *каждый выживает в одиночку*, и это относится и к экономическим гигантам (например, к США, или к Японии), и к аутсайдерам (например, к Греции и Португалии). Второй, не менее важный урок: наиболее кризисоустойчивыми являются государства с признаками *рациональной самодостаточности*, которую я определил бы как реализованную способность *экономически оправданного и социально приемлемого функционирования политической и хозяйственной систем при минимальной зависимости от поведения других государств, в том числе в форс-мажорных обстоятельствах внутреннего и внешнего характера*. Такая самодостаточность — менее всего искусственно созданная политическая и вне рыночная автаркия. Экономическая система самодостаточного государства должна быть открытой внешнеэкономическим обменам и рыночным состязаниям с отечественными и зарубежными соперниками, но ведение и выигрыш этих состязаний должны происходить на *собственном поле*.

Ясно, что и политическая, и экономическая самодостаточность государства не абсолютны, но последняя, например, бесспорно необходима хотя бы для той части товарного производства, которая обеспечивает *продовольственную, фармакологическую, военную и энергетическую безопасность*; замечу, что их пределы по многим параметрам уже определены российскими учеными (прежде всего академиком А.И. Татаркиным и его коллегами) и частично введены в структуру небольшого числа нормативных актов. Достижение такой безопасности возможно лишь при условии создания разветвленной и согласованной с системой расселения сети импортноконкурентных производств, для чего понадобятся не слишком большие (по сравнению с предлагаемыми и реализуемыми мегапроектами) инвестиции и ясно выраженная политическая воля, способная изменять стереотипы экономической политики.

Что мешает тому, чтобы хотя бы рациональная *экономическая* самодостаточность России (вряд ли, впрочем, реализуемая вне становления *политической* самодостаточности) получила статус государственно проводимой и общественно поддерживаемой политики, способной заинтересовать государственные корпорации, крупный, средний и малый бизнес, население страны? Прежде всего то, что у такой политики противников больше, чем защитников идеологии и практики продолжения импортонасыщения страны.

Это, во-первых, адепты абсолютной открытости отечественной экономики мировому рынку, субъекты которого рассматриваются не как жесткие и агрессивные конкуренты, а как доброжелательные партнеры, которые жаждут видеть Россию сильной и самостоятельной и готовы поделиться с ней своей «цивилизованностью».

Во-вторых, против рассматриваемой политики выступают крупные и крупнейшие представители торгового бизнеса, имеющие немалые выгоды от масштабных импортных сделок.

В-третьих, самой идее рациональной экономической самодостаточности враждебен покупательский менталитет как минимум трех поколений наших соотечественников: 1) поколения, сформировавшегося в эпоху закрытых границ и заманчивости всего импортно-дефицитного; 2) поколения, выросшего в период развала советской экономики и предоставления отечественного рынка для любых зарубежных экспансий и 3) поколения, вырастающего на наших глазах и не обнаруживающего нигде ничего отечественного.

В современной России для развития импортоконкурентного рынка (страны, региональных и местных его составляющих) прежде всего нужны ныне отсутствующая производственно-транспортная инфраструктура, обеспечивающая бесперебойные связи производителей и потребителей продукции; возможность такие связи налаживать и надежно закреплять: в принципе, поставки «своему» потребителю должны быть более выгодными и в отношении скорости оборота, и в плане минимизации рисков.

В установлении инфраструктурных «скреп» внутреннего рынка, а следовательно, и в повышении связности территории Россия должна быть заинтересована не меньше, чем в создании пресловутых «транснациональных транспортных коридоров», по которым мировые производители якобы сразу же начнут перевозить свою продукцию с континента на континент. Ведь речь идет об элементарных вещах: о сносных (всего лишь) дорогах, пересекающих страну и ее регионы вдоль и поперек, о больших и малых консигнационных и прочих складах, об элеваторах, зернохранилищах, холодильных установках и т. п.

Для скорейшего обеспечения рациональной самодостаточности и постепенного освобождения от угроз кризиса системы расселения необязательно дожидаться «инновационного прорыва», в котором слишком многие видят панацею от всех существующих и грядущих бед. Следует признать, что, например, функционирование российского аграрного производства как экономической и социальной основы для производительной трудозанятости и обеспечения тем самым жизни миллионов сельских жителей может быть достигнуто не столько на базе использования современных сельскохозяйственных машин и орудий (очень дорогих и требующих не менее дорогой ремонтной и другой производственной инфраструктуры), сколько посредством материального (через заработную плату и социальные преференции) стимулирования профессионально ответственного отношения к труду, воссоздания (на новой, рыночной основе) потребительской кооперации, осуществления тотальной газификации и электрификации села, строительства дорог и поддержания транспортного сообщения между производителями и рынком сельхозпродукции, восстановления разумного паритета цен на нее и на горюче-смазочные материалы, постоянной господдержки отечественных сельхозпредприятий (например, в формах, принятых в США) и т. д. Вряд ли в ближайшие годы наша сверхновая техника будет востребована даже миллионом платежеспособных зарубежных покупателей, но качественная продукция, в частности российского животноводства, наверняка могла бы пользоваться устойчивым спросом более ста миллионов граждан России.

В условиях глобализации не многим удалось достичь рациональной самодостаточности государств, но Россия имеет для этого *наилучшие в мире предпосылки* (соединение гигантских объемов самых разнообразных ресурсов с ненасыщенным внутренним рынком), оставаясь при этом и *наиболее беспомощной* (в отличие от крупных российских бизнесменов) и не подготовленной к жизни в глобальном мире. Сегодня страна на внутреннем рынке зависима от импорта, причем практически по всей номенклатуре, а на внешнем — от экспорта узкого круга сырьевых товаров (нефть, газ, цветные и черные металлы). С такой Россией нет смысла воевать, достаточно перекрыть (а это вполне возможно) каналы поставки *ежедневно(!)* необходимых лекарств, резко снизить (а это вполне возможно) мировые цены на нефть или сократить закупки российских нефти и газа.

Какими же видятся исходные меры реализации концепции рациональной самодостаточности государства в *экономическом* отношении, учитывая, что с каждым годом выход любой отечественной продукции на внутренний рынок станет все в большей мере определяться конкуренцией именно с мировым производителем? Следовало бы, во-первых, хотя бы оценочно выявить номенклатуру, стоимостные и натуральные объемы потребления основных видов сырья и готовой продукции как в стратегически важных для страны видах экономической деятельности, так и в домохозяйствах, причем и в целом по России, и по отдельным регионам, и по крупнейшим городам. Во-вторых — составить баланс обеспечения этих потребностей товарами и услугами собственно российских производителей (фактически действующих на территории страны вне зависимости от использования иностранного капитала и технологий) и импортом (т. е. всем, что попадает в страну через таможенную границу). В-третьих, — определить фактические и перспективные зоны «пересекающейся» конкуренции и расставить государственные и региональные приоритеты в последовательном наполнении внутреннего рынка страны импортоконкурентной продукцией по соображениям на первых порах аналогичного, а далее — лучшего качества и более низких цен. Но сверхзадача — осуществить эти *первичные действия в контексте предупреждения угроз и предотвращения рисков целостности страны в условиях дезинтеграции экономического и социального пространства страны и кризиса системы расселения*. Решить эту сверхзадачу способна только обновленная региональная политика России. Начать эту сложнейшую работу следует с проведения в 2014 г. всеобщей поименной инвентаризации состояния и оценки реальных среднесрочных (3–5 лет) перспектив функционирования всех без исключения населенных пунктов всех регионов и муниципальных образований страны. На этой основе Росстату необходимо разработать и ежегодно заполнять отсутствующую сейчас форму «Государственный реестр городских и сельских поселений субъектов РФ». И, наконец, Минрегион РФ или специально созданный уполномоченный орган должен организовать разработку и реализацию приоритетного федерального проекта «Реструктуризация сложившейся системы расселения в увязке с решением задач рационального самообеспечения России стратегически значимой продукцией» со сценарной проработкой вопросов размещения потенциальных экономических и инфраструктурных объектов. Это могло бы стать *лишь одним*, но жизненно важным условием успешного предотвращения угроз и противостояния рисков стабильного функционирования нашего государства.